

По рис. Адамова.

Хромолитография В. Грацианскаго Невск. просп. рядомъ съ Разсажемъ д. № 46

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ

РОССІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

СБОРНИКЪ

1876

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ.

Под. Ин-т им. Герцена
Журнальный
фонд
50414

ОЧЕРКИ БЫТА КИРГИЗОВЪ.

I.

Поминки.

оминки, «асъ», составляютъ одно изъ характеристическихъ празднествъ киргизскаго народа. Они совершаются по умершемъ чрезъ три дня, чрезъ недѣлю, въ сороковой день послѣ смерти, и, наконецъ, празднуется годовщина. Годовыя поминки празднуются у киргизовъ лишь по мужинѣ, по женщинѣ же совсѣмъ не бываетъ пышныхъ поминокъ. Тщеславные киргизы устраиваютъ годовыя поминки съ большимъ блескомъ; тутъ бываетъ обыкновенно скачка лошадей съ крупными призами и разныя другія увеселенія, и киргизы при этомъ не жалѣютъ ничего, лишь бы слава роднаго аула росла и распространилась повсюду и осталась въ устахъ народа на многія лѣта и безконечныя времена.

За мѣсяцъ и за два, устраивающіе поминки (поминки обыкновенно бываютъ лѣтомъ), рассылаютъ во всѣ стороны—въ дальнія о двуконь—«хабарчи», то есть вѣстовщиковъ, о предстоящихъ празднествахъ. Эти хабарчи, разъѣзжая по знакомымъ и незнакомымъ ауламъ, рассказываютъ о предстоящемъ торжествѣ и сообщаютъ названіе урочища, гдѣ будетъ стоять во время поминокъ аулъ, въ которомъ устраивается праздникъ; называютъ день «учакъ—казу», въ который предполагено рыть ямы для ставки котловъ, день «маль-сую», въ который будутъ рѣзать скотъ для угощенія гостей, день «асъ-беру», «батасынъ-уку», въ который назначено угощеніе и чтеніе молитвъ и, наконецъ, день, «ать-габу», который назначенъ для скачки лошадей. При этомъ хабарчи со всѣми подробностями поименовываютъ всѣ призы, приготовленные для скакуновъ, и называютъ мѣсто или урочище, съ котораго предполагается пустить лошадей.

Киргизы, являющіеся на «асъ», если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, вблизи кочующіе, по полученіи извѣстія о поминкахъ, начинаютъ готовить «кмызъ», кумысъ, подливая каждый день по немногу свѣжаго молока въ «сабу», кожаный мѣшокъ, въ которомъ они обыкновенно держатъ этотъ напитокъ. Каждый изъ ѣдущихъ на поминки съ кумысомъ старается привести къ назначенному времени лучший кумысъ, такъ сказать, не ударить лицомъ въ грязь. Кромѣ того, близкіе родственники привозятъ главѣ семейства, который устраиваетъ праздникъ, «аза», подарки, состоящіе изъ лошадей, верблюдовъ, мѣховыхъ халатовъ, бухарскихъ ковровъ, русскихъ и бухарскихъ матерій, и т. п.

Наконецъ, настаетъ начало поминокъ—обыкновенно онѣ продолжаются съ недѣлю, а иногда болѣе,—и вотъ киргизы, со всѣхъ сторонъ, въ праздничныхъ нарядахъ, на лучшихъ скакунахъ, ѣдутъ въ тотъ аулъ, гдѣ готовится праздникъ.

Я опишу поминки одного довольно богатаго киргиза, по имени Чальдика (въ западно-сибирской степи), которыхъ былъ свидѣтелемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1869 года, чрезъ два года послѣ смерти покойнаго.

Аулъ Чальдика, бывшій на лѣтней кочевкѣ, къ назначенному времени принялъ праздничный видъ. Съ приготовленными въ сторонѣ отъ аула кибитками, числомъ до 30, — обыкновенно устраивающіе поминки ставятъ кибитки для гостей совершенно отдѣльно отъ аула, шагахъ въ 50 или 100, — аулъ Чальдика ожидалъ къ себѣ близкихъ и дальнихъ гостей. Окрестные аулы, уступивъ для этого торжества свои кибитки, находились подъ «джабпа»¹⁾.

¹⁾ Слово «джабпа» отъ слова «джабъ», — покрывка, покрывало. Такъ называютъ аулъ, который, останавливаясь во время лѣтней кочевки, не разбиваетъ свои кибитки, и

Я отправился на праздникъ съ партіей, во главѣ которой былъ одинъ киргизскій султанъ. Ауль Чальдика отстоялъ отъ нашего въ трехдневномъ разстояніи.

Выѣхали мы изъ своего аула около 10 часовъ утра. Не прошло и двухъ часовъ послѣ выѣзда, какъ намъ уже начали попадаться, не спѣша ѣхавшіе, тоже на поминки, толпы киргизовъ; они также, какъ и мы, ѣхали безъ дороги, въ разныхъ мѣстахъ, по одному и тому же направленію. Нѣкоторые везли или на арбѣ, или на верблюдѣ кумысъ. Какъ водится, издали завидѣвъ насъ, эти дѣти природы, оставивъ одного или двухъ при кумысѣ, со всѣхъ ногъ бросались къ намъ за «хабаромъ», новостями, до которыхъ киргизы большіе охотники. Приближаясь къ намъ, они сдерживали своихъ лошадей, подѣзжали шагомъ, — на скаку подѣзжать предосудительно, — подавали по обычаю обѣ руки каждому изъ насъ и спрашивали: «малъ-джанъ-аманбы», скотъ и душа здоровы-ли? — Затѣмъ справлялись, откуда мы сегодня выѣхали и гдѣ намѣрены ѣсть «кунакъ-асы», пищу гостя, т. е. другими словами, гдѣ предполагаемъ имѣть ночлегъ. Подробно распросивъ насъ и сообщивъ, кстати, и намъ свои новости, они, согласно съ этикетомъ, проводили насъ на нѣкоторомъ разстояніи и затѣмъ отправились обратно къ своимъ верблюдамъ и арбамъ.

Сколько мы ни встрѣчали ѣдущихъ киргизъ, всѣ они считали какъ бы своею обязанностію подѣзжать къ намъ и завести обычный разговоръ. Въ свою очередь, молодые люди изъ нашей компаніи дѣлали тоже самое. Наша молодежь, какъ я замѣтилъ, особенно дружно бросалась, впрочемъ, только тогда, когда замѣчала издали степныхъ представительницъ прекраснаго пола, чтобы не упустить случая познакомиться съ ними и завести игривый разговоръ. Дорога была очень веселая: наша молодежь тутъ же по дорогѣ охотилась съ ястребами и соколами на утокъ, гусей и перепеловъ. Подѣзжая къ озеру, гдѣ мирно пла-

также называется ауль, который наканунѣ откочевки снимаетъ свои кибитки, оставаясь подъ покрываломъ, или подъ какою-нибудь защитой.

ваютъ стаи утокъ, охотникъ начинаетъ бить лѣвою рукой въ «дабыль», барабанъ, который придѣланъ къ передку его сѣдла; какъ только испуганныя утки поднимаются съ воды, онъ правою рукою ловко вскидываетъ вверхъ ястреба или сокола, который быстро ловитъ первую попавшуюся птицу и спускается на землю. Хозяинъ, давши хищнику поклевать мозгъ, отдергиваетъ дичь и, по магометанскому закону, перерѣзавъ убитой имъ птицѣ горло, кладетъ ее въ сумку и скачетъ далѣе. Первую добычу младшій всегда подноситъ, по обычаю, старшему. Боже сохрани, если ястребъ или соколъ, вмѣсто того, чтобы поймать птицу, сядетъ на дерево! Нерѣдко, однако, они, если сыты, не смотря на соблазнительные кусочки говядины, показываемые хозяиномъ, и на его вызовы «пафъ, пафъ!», просиживаютъ тамъ, перелетая съ одного дерева на другое, до вечера, даже до утра или, вообще, до того времени, пока не явится аппетитъ. У киргизовъ есть даже, сложившаяся по этому поводу, поговорка: «да не сядетъ твоя птица на дерево, да не зависитъ твое дѣло отъ дурнаго человѣка».

Совсѣмъ другое дѣло — охота съ беркутомъ; она подѣ часъ бываетъ, можно даже сказать, и опасна. Напримѣръ, я помню, какъ одинъ знакомый мнѣ киргизъ, любившій до смерти охоту съ беркутомъ, котораго обожалъ, кажется, выше всего на свѣтѣ, поѣхалъ поохотиться на лисицъ. Это было зимою, — лѣтомъ киргизы съ беркутомъ не охотятся. Для того, чтобы знать, по крайней мѣрѣ, приблизительно, мѣстность, гдѣ есть лисицы, киргизы обыкновенно отправляются на охоту тотчасъ послѣ того, какъ выпадетъ свѣжій снѣгъ. И такъ, въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ для охоты дней, мой знакомый поѣхалъ на своемъ конѣ, съ беркутомъ въ рукѣ; долго вертѣлся онъ около горы «Сырымбетъ», которая, со всѣхъ сторонъ, окружена густымъ еловымъ лѣсомъ, долго бродилъ по лѣсу и, наконецъ, увидѣлъ слѣдъ... «Пожалѣли меня» — рассказывалъ онъ послѣ, — «мои усопшіе предки, въ честь которыхъ я ужъ далъ себѣ обѣтъ зарѣзать самаго жирнаго барана, и умолили они Бога послать мнѣ добычу, съ которою можно бы-

ло бы мнѣ вернуться домой съ чистымъ лицомъ». Зная, что лисица не могла уйти далеко, мой киргизъ, долго не думая, выпустилъ изъ рукъ голоднаго беркута, и тотъ, какъ всегда, поднялся вверхъ, а самъ киргизъ, не спуская съ него глазъ, зорко сталъ слѣдить за нимъ. «Беркутъ», — рассказывалъ онъ, — «поднялся такъ высоко, что можно было принять его за самую маленькую муху». Долго беркутъ искалъ добычу, долго и киргизу пришлось наблюдать за нимъ. Наконецъ, беркутъ летитъ внизъ, «какъ пущенная пуля», — говорилъ охотникъ, — и киргизъ, еще болѣе прежняго, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за нимъ. Не успѣлъ онъ крикнуть своихъ товарищей, которые были не далеко отъ него, какъ беркутъ висѣлъ уже надъ нимъ. Съ глазами, налитыми кровью, висѣлъ беркутъ, какъ бы въ раздумьи, нѣсколько секундъ, а затѣмъ вдругъ бросился, съ размаху, на своего хозяина и повалилъ его съ лошади. Не оставляя его въ этомъ положеніи, беркутъ сѣлъ на него и началъ вдавливать въ него свои длинныя когти. Хозяинъ — какъ ни умолялъ его, называя самыми ласкательными именами, — ничто не помогало; тогда онъ началъ кричать. Черезъ нѣсколько минутъ, разъяренный беркутъ приходитъ въ себя и медленно спускается самъ съ него на землю. Подъѣхавшіе, между тѣмъ, товарищи привезли бѣднаго охотника, чуть живаго, въ аулъ и объяснили, что беркутъ, потерявъ свою добычу и не могши найти ея, бросился на своего хозяина, который, какъ я узналъ потомъ, только мѣсяцъ спустя поправился отъ полученныхъ имъ ранъ; но и послѣ этой катастрофы, рьяный охотникъ не захотѣлъ разстаться со своимъ любимцемъ и не разъ счастливо съ нимъ охотился. Говорятъ, что беркутъ спускается обыкновенно съ большой высоты такъ быстро, что сразу схватываетъ свою добычу — одной ногой за голову, другой — за заднюю часть, и мнетъ лисицу такъ, что у ней съ трескомъ ломается спинной хребетъ, и она въ изнеможеніи испускаетъ духъ, между тѣмъ, какъ беркутъ добирается до ея глазъ.

Охота съ борзыми собаками, «тазы», бываетъ тоже, говорятъ, занимательна. Киргизы отпра-

вляются на охоту на лисицъ также по свѣжему слѣгу. Тутъ ужъ не хозяинъ ищетъ слѣда, а сами собаки. Бывалая на охотѣ собака очень скоро нападаетъ на слѣдъ; догнавъ лисицу, она схватываетъ ее за морду и, не давая ей защищаться, валитъ на землю, и тогда хозяинъ добываетъ ее.

Киргизы часто охотятся на волковъ. Дѣлаютъ облаву и убиваютъ волка палками. Въ западно-сибирской степи былъ одинъ киргизъ, по имени Исений, который такъ страстно любилъ эту охоту, что даже, не смотря на свою болѣзнь, отъ которой не могъ ѣздить верхомъ, часто отправлялся на охоту въ саняхъ; киргизы, сопровождавшіе его, пригоняли волка, и онъ собственноручно убивалъ его.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

На первый ночлегъ мы остановились въ аулѣ одного богатаго киргиза, который, зная высокое достоинство нашего султана, зарѣзалъ, вмѣсто барана, жеребенка. По обыкновенію, барана, котораго рѣжутъ для гостей, вводятъ въ кибитку и тамъ рѣжутъ его въ присутствіи всѣхъ. Съ жеребенкомъ этого не дѣлали, только просили султана прочесть молитву, объявивъ предъ тѣмъ, что скотина для рѣзанія готова. Намъ приняли въ хорошей, даже изящной кибиткѣ; здѣсь, послѣ кумыса, въ ожиданіи сытнаго ужина, завязался веселый разговоръ. Аульный мулла сталъ осуждать султана за неисполненіе предписаннаго закономъ пятикратнаго моленія; одинъ киргизъ изъ нашей компаніи сказалъ, что уважительною причиною въ несоблюденіи султаномъ строгаго обычая служить то, что онъ, по своей тучности, не можетъ правильно совершать омовеніе, безъ котораго и самое моленіе не дѣйствительно и считается даже большимъ, непростительнымъ грѣхомъ; мулла замѣтилъ на это, что тучность вѣрно не помѣшала бы султану достать золото, еслибъ это было для него также затруднительно, какъ омовеніе. Въ отвѣтъ на это, защитникъ султана, немного обидясь, спросилъ: «Неужели вы, мулла, думаете, что золото для киргизовъ до такой степени заманчиво»? Въ это время, сидѣвшій, полулежа, въ сторонѣ киргизъ, тоже изъ нашей компаніи, сказалъ:

«Да, золото спасает даже утопающих людей; вотъ, однажды», продолжалъ онъ, — «одинъ мулла тонулъ въ рѣкѣ; люди бросились его спасать, но едва ли бы спасли, еслибъ одинъ стоявшій на берегу старикъ не посоветовалъ показать муллѣ золото; увидѣвъ червонцы, мулла и самъ, безъ посторонней помощи, выплылъ къ берегу». Дружный хохотъ заключилъ его рѣчь. Затѣмъ стали говорить объ охотѣ. Одинъ киргизъ, который, какъ и многіе другіе, раздѣлся для отдыха, повидимому, большой охотникъ, проворно накиннулъ на себя халатъ и, подойдя къ кругу, гдѣ шелъ самый оживленный споръ о ястребиной охотѣ, любимой забавѣ киргизовъ въ лѣтнее время, сталъ рассказывать бывшее съ нимъ приключеніе. «Я» — началъ онъ — «въ молодости, очень любилъ ястребиную охоту и вездѣ былъ извѣстенъ по своему ястребу; онъ отличался особенною быстротой, за что и былъ прозванъ «джуйрыкъ». Однажды, когда нашъ аулъ, отправляясь на лѣтнюю кочевку, остановился на берегу прекрасной рѣчки, куда слетались всѣ въ мірѣ птицы, я, вечеромъ, отправляя въ поле табунъ, велѣлъ оставить себѣ любимую лошадь, отличавшуюся особенною быстротой: она скакала, какъ «тулпакъ» (сказочный конь, въ родѣ русскаго сивки-бурки). На другой день, рано утромъ, едва солнце успѣло подняться на высоту пика, я осѣдлалъ коня и, взявъ въ руку моего джуйрыка, отправился по этой рѣчкѣ. Отъѣхавъ я изъ аула, можетъ быть, на разстояніе собачьяго лая, какъ увидѣлъ безчисленное множество мирно плавающихъ утокъ. Я поправился на сѣдлѣ (поворачиваются бокомъ, дабы ловчѣе и сильнѣе кинуть ястреба или беркута), отстегнулъ «бау» (снурокъ, привязываемый обыкновенно къ одной ногѣ ястреба или беркута) и ударилъ обѣими ногами свою лошадь; она въ одинъ мигъ примчала меня къ самому берегу, и я забилъ въ дабыль (барабанъ). Утки не всѣ разомъ поднялись; сперва улетѣла одна, потомъ другая, третья, потомъ начали вылетать по двѣ, по три разомъ; а я все держу, да держу крѣпко рвущагося изъ моихъ рукъ джуйрыка; лошадь, между тѣмъ, ни съ мѣста, стоитъ, какъ прикованная. Наконецъ, я началъ барабанить

все сильнѣе и сильнѣе, и тутъ ужъ цѣлая масса утокъ, какъ черная туча, разомъ поднялась съ озера. Тогда я, съ ловкостью молодого джигита, вскинулъ моего джуйрыка вверхъ, а самъ, не спуская глазъ, сталъ слѣдить за нимъ. Мой ястребъ, какъ стрѣла, пущенная богатыремъ, поднялся высоко вверхъ и, вижу я, наконецъ — налетѣлъ онъ на массу. Сердце мое такъ и забилось! а масса, между тѣмъ, рассыпается, какъ дробь изъ ружья, и онъ быстро, какъ пастухъ, ловащій въ табунѣ по выбору лошадей, ловитъ утокъ и благополучно спускается на землю. Спустился онъ на противоположный берегъ рѣчки. Я бросился было въ воду, — лошадь не идетъ; думаю, стало быть — глубоко, если лошадь не слушается; брода въ этомъ мѣстѣ я не узналъ, да и до брода ли тутъ мнѣ было! Усиленно пытаюсь спуститься въ воду въ другомъ мѣстѣ, — лошадь тоже не идетъ, въ третьемъ — тоже; а терять времени — посудите сами — было нельзя, потому что ястребъ, наѣвшись (выклевавши мозгъ), былъ бы не годенъ въ этотъ день для охоты. Долго не размышляя, я заставилъ таки своего коня войти въ воду. Сперва онъ завязъ было въ топкомъ берегу, и вытащить его мнѣ стоило большихъ трудовъ; затѣмъ я направилъ лошадь вплавъ на другой берегъ и, самъ держась за хвостъ, вышелъ, наконецъ, благополучно на сушу. Тутъ, наскоро привязавъ поводъ къ одной ногѣ лошади, я побѣжалъ къ своему ястребу. Каково было мое счастье, когда я видѣлъ, что за мой тяжелый трудъ Богъ наградилъ меня славною побѣдой: вмѣсто одной утки, вижу я цѣлыхъ четыре штуки; ястребъ впился въ каждую изъ нихъ своими сильными когтями и, поглядывая по сторонамъ, ожидалъ, повидимому, меня...

Хвастуну-охотнику не дали догончить. Тотъ же киргизъ, который сконфузилъ прежде муллу, отвѣчалъ горячему рассказчику слѣдующимъ анекдотомъ.

«Прежде любилъ я, — началъ онъ, — да и теперь еще люблю охотиться съ ружьемъ; не скажу, что я хорошій стрѣлокъ, но иногда подстрѣливаю-таки дичь. Разъ я поѣхалъ съ ружьемъ, имѣющимъ два рта, и вижу — надомною

летитъ множество утокъ; я воскликнулъ: «я гудай!» (о, Богъ!), выпустилъ разомъ двѣ пули изъ двухъ ртовъ и, къ удивленію моихъ товарищей, убилъ — представьте — на каждый зарядъ по двѣ утки....»

Всѣ сидѣвшіе разразились хохотомъ. Затѣмъ на минуту воцарилось молчаніе; одинъ пожилой киргизъ прервалъ его такимъ нравоученіемъ: «бываютъ иногда, дѣйствительно, такіе удивительные, невѣроятные случаи; но ихъ не принято рассказывать. Не рассказывай и правды, если она похожа на ложь, говорили наши предки...»

Пока старшіе занимались разговорами, молодежь удалилась въ другую кибитку, гдѣ начались свои забавы: аульнныя молодыя женщины и дѣвицы стали задавать прибывшимъ гостямъ загадки и отгадавшихъ награждали звонкими поцѣлуями. Вотъ нѣсколько загадокъ изъ слышанныхъ мною при этомъ случаѣ: «Семдесятъ старухъ землю грызутъ: остовъ кибитки. — Надъ кибиткой мелкіе каменья: звѣзды. — Въ широкой степи бѣлый потникъ: озеро. — На подушкѣ четыре шарика: коровье вымя. — На кривое дерево снѣгъ не пристанетъ: роса. — Тысячу барановъ однимъ прутомъ гоню: бритва».

Потомъ начались пѣсни. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ прозаическомъ переводѣ.

1.

«Темный ручей у моего дома — брода нѣтъ, чрезъ воду не пройти мнѣ; — меня забудешь, другъ мой, забудь Бога, но я не бросаю тебя, ни на кого тебя не мѣняла!»

2.

«Темный ручей у дома — черная лужа, если милый не идетъ; значитъ — есть причина; я карать его не буду, пусть караетъ его самъ Богъ».

3.

«Улетаетъ съ озера лебедь, когда ударишь въ барабанъ; не заскрипитъ твоя дверь — вымажу ее мыломъ; ускользаетъ, бѣжитъ скоротечное время, — улучи минуту, давай, поиграемъ!»

4.

«Съ противоположнаго берега видѣется дерево — сандалъ; летитъ по небу одна ласточка. Какъ купаемого младенца, буду я тебя нѣжить и ласкать лучше, чѣмъ нѣжить тебя родная твоя мать!»

5.

«Когда ты ко мнѣ приходишь, мнѣ бываетъ весело — точно въ праздникъ; ты не посылаешь мнѣ поклона, точно это тебѣ трудно; когда ты, обернувшись ко мнѣ, стоишь стройный, какъ стебель, всѣ прочіе кажутся мнѣ ничто!»

6.

«Подари мнѣ, другъ, свое колечко; хотя мѣдное, но оно — твой подарокъ. Приѣзжай, мой милый, на свиданье; приѣзжай — хотя и зима, — не смотри, что люди осуждаютъ; тѣхъ, кто любить, толки не смущаютъ, приѣзжай, мой милый на свиданье, пусть про насъ говорятъ, что хотятъ.»

Смолкли, наконецъ, и пѣсни. Въ полночь наступило время ужина. Слуга хозяина, съ рукомыникомъ и полотенцемъ, обошелъ всѣхъ присутствующихъ, все время сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ; почетный гость, нашъ султанъ, прочелъ молитву: «Да умножатся твои стада, да пошлетъ Богъ тебѣ счастье пророка, неразлучное богатство, многолѣтіе и долгую жизнь! Да взойдетъ надъ тобою свѣтлый мѣсяцъ, да придутъ къ тебѣ на встрѣчу всѣ твои желанія!» Затѣмъ подали ужинъ, на каждыя три чело-вѣка по одному блюду. По обычаю, почетный гость потребовалъ сначала блюдо хозяина, потомъ хозяйки, потомъ дочерей ихъ и положилъ для нихъ нѣсколько кусковъ мяса, тоже сдѣла-ли и остальные гости. По окончаніи ужина, гости, по старшинству, стали требовать къ себѣ всѣхъ сидящихъ въ кибиткѣ аульныхъ мужчинъ и женщинъ; мужчинъ они угощали собственноручно, прямо въ ротъ, а женщинамъ отдавали кушанье въ руки. На каждомъ блюдѣ гости, по обычаю, оставили для хозяйки (саркыт) остатокъ. Потомъ подали бульонъ, причемъ одинъ старецъ сказалъ пословицу: «мясо — къ мясу, бульонъ — къ лицу», другими словами: мясо полезно для мяса, а бульонъ для лица, то есть, вызоветъ румянецъ. Послѣ того слуга хозяина съ рукомыникомъ обошелъ всѣхъ гостей и, наконецъ, подали кумысъ, чѣмъ закончилось угощеніе. Молодежь возобновила свои забавы, и долго еще слышались голоса веселившихся.

Въ этомъ аулѣ, съ однимъ изъ нашихъ молодцевъ аульнныя дѣвицы сыграли довольно оригинальную шутку. Ему понравилась молодая дѣвушка, за которою онъ весь вечеръ и ухаживалъ и просилъ назначить ему мѣсто свиданія; посоветовавшись съ другими дѣвицами, она согласилась. Онъ явился въ поле на назначенное мѣсто раньше ея и сталъ ожидать свою красавицу. Наконецъ, послѣ долгаго жи-

данія, онъ увидѣлъ въ ночной темнотѣ фигуру, приближающуюся къ нему. Затаивъ дыханіе, боясь чужихъ глазъ, плотно припалъ онъ и прижался къ землѣ; когда же подошедшая къ нему фигура въ халатѣ произнесла его имя, онъ всталъ однимъ прыжкомъ и схватилъ ее въ свои объятія. Въ это самое время увидѣли они какихъ-то приближающихся людей и поспѣшили отъ нихъ удалиться; но, къ счастью, преслѣдователи куда-то исчезли, и нашъ молодецъ, успокоивъ трепетавшую въ его объятіяхъ красавицу, сталъ разсыпаться предъ нею въ любовностяхъ и то и дѣло цѣловалъ ее. Вдругъ, преслѣдователи снова точно выросли изъ земли, и, подойдя къ нѣжничавшей парочкѣ, объяснили нашему молодцу, что онъ обманутъ: обнималъ и цѣловалъ онъ не свою любовную, а ея брата. Подняли молодца на смѣхъ, и онъ въ смущеніи уѣхалъ изъ аула раньше насъ, до разсвѣта.

На другомъ ночлегѣ намъ поставили кибитку совершенно отдѣльно, ибо по дорогѣ къ намъ то и дѣло пристраивались киргизы, также отправлявшіеся на поминки, и такимъ образомъ, составилъ у насъ довольно большой поѣздъ. На этотъ разъ, мы остановились въ аулѣ волостнаго управителя, который просилъ нашего султана провести въ его аулѣ и другой день, чтобы разобрать нѣкоторые тяжёбныя дѣла. Султанъ согласился. Въ теченіи двухъ дней, онъ все время занимался судебнымъ разбирательствомъ, выслушивая терпѣливо самыя пустыя просьбы киргизовъ, обращавшихся къ нему. Тутъ были и поземельныя, и семейныя, и разныя другія дѣла. Многія разбирательства были, однако, отложены до пріѣзда на самыя поминки, гдѣ, по слухамъ, находились или отвѣтчики, или свидѣтели, или же вліятельныя лица, въ присутствіи которыхъ султанъ хотѣлъ постановить свои рѣшенія, чтобы ни одна изъ сторонъ не отказывалась впослѣдствіи отъ исполненія приговора.

Когда мы выѣхали изъ аула волостнаго управителя и удалились отъ него на нѣкоторое разстояніе, словоохотливые киргизы принялись осуждать и бранить волостнаго за то, что онъ выдалъ свою дочь за сарта. «Онъ осквернилъ

этимъ нашу кость» — говорили одни. — «Его нельзя оставить волостнымъ управителемъ» — прибавляли другіе. «Да, да!» — восклицали третьи, — «при первыхъ же выборахъ мы непременно смѣнимъ его». — «Вѣдь сарты — по самому названію видно — это сар-ить» (то-есть желтыя собаки), — сказалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, — «вотъ послушайте, что я вамъ расскажу о нихъ...». Другіе, услышавъ это интересное предисловіе, ударили по конямъ и стали тѣсниться къ рассказчику, толкая другъ друга то колѣнями, то мордою своею лошади. «Да, сарты», — началъ киргизъ-рассказчикъ, — «это сущія желтыя собаки. Однажды, наши дѣвки отправились купаться; приходятъ онѣ къ озеру, раздѣлись и пустились въ воду. Вдругъ, увидѣли онѣ, что прямо по направленію къ нимъ спускаются съ горы какіе-то всадники. Дѣвки сейчасъ-же съ крикомъ выбѣжали на берегъ и стали одѣваться. Между тѣмъ, всадники подѣзжаютъ близко. Чтожъ, вы думаете, наши дѣвки? Какъ разглядѣли онѣ, что на жирныхъ коняхъ, на мягкихъ большихъ подушкахъ, сидятъ толстяки-сарты, всѣ разомъ и закричали: «мы думали, что ѣдутъ мужчины, а вышло — сарты» и, не долго думая, тутъ-же, при сартахъ, снова раздѣлись и съ громкими пѣснями бросились въ воду, — какъ будто и въ самомъ дѣлѣ сарты не мужчины!»

Разсказъ этотъ очень понравился слушателямъ. «Ай да дѣвки! Славно отдѣлали сартовъ», — воскликнули многіе; а иные, выражая явную ненависть къ сартамъ, кричали даже, что съ этими желтыми собаками церемониться не должно, а слѣдуетъ просто отнять у нихъ дочь волостнаго и выдать ее за сына султана С., который ей очень нравится и которому она не разъ уже клялась бѣжать съ нимъ и быть его женою. «Она давно бы такъ и сдѣлала», — сказалъ кто-то, — «да боится огорчить своего отца, которому въ такомъ случаѣ прійдется возвратить сарту калымъ, взятый за нее». «Нѣтъ, никогда не прійдется отцу возвращать калымъ», — возразилъ говорившему одинъ изъ стариковъ, — «вопервыхъ, она должна бѣжать безъ вѣдома отца, — потому-то, можетъ быть,

Киргизы.

По фотографии; рис. Г. Глушковъ, рѣз. на деревѣ А. Шиперъ.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ, Т. III, 1876 г.

Доволено цензурою. Слб., 6 Августа 1876 г.

Типографія В. Граціанскаго, Невскій, № 46.

отецъ и молчить; а во-вторыхъ, этотъ сартъ съ нею обращается не почеловѣчески: закрылъ ее съ головы до ногъ, никто ея не видитъ, и даже родной братъ можетъ говорить съ нею только при мужѣ».

Слова эти вызвали общее сожалѣніе къ бѣдной киргизкѣ. «Не съѣмъ ей и пѣсни спѣть», — заговорили молодые люди, — «не кому и загадки загадывать! Жалко ее, несчастную!» И молодежь до того воспламенилась, что многіе тутъ же ударили по рукамъ, что не оставить долго несчастную въ рукахъ ненавистнаго мужа.

Между тѣмъ, поѣздъ нашъ приближался ужъ къ тому аулу, гдѣ должны были происходить поминки; еще издали услышали мы крикъ, шумъ, пѣніе, музыку, ревъ верблюдовъ, ржаніе коней; все это сливалось въ общій безпорядочный гулъ. Люди въ аулѣ бѣгали и о чемъ-то хлопотали, иные верхомъ на лошадяхъ мчались изъ аула къ поставленнымъ для гостей кибиткамъ, позади которыхъ стояли въ кучкахъ, привязанныя одна къ другой, осѣдланныя лошади, между тѣмъ, какъ хозяева послѣднихъ сидѣли въ кибиткахъ, упиваясь кумысомъ и слушая пѣсни бойкаго импровизатора, или, расположившись кружками за кибитками, рассуждали о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Благодаря огромному съѣзду народа, на поминкахъ, дѣйствительно, рѣшаются часто дѣла давнія и важныя. Многіе киргизы съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ такого большаго съѣзда, съ надеждою дожидаться рѣшенія, зная пословицу: «Мясо, спущенное въ большой котелъ, не можетъ не довариться».

Насъ встрѣтили два сына хозяина, выбѣжавшіе съ крикомъ: «тюря кельды», султанъ прибылъ (киргизы называютъ султановъ тюря), и пригласили насъ всѣхъ въ отдѣльную, приготовленную для насъ, кибитку. Не прошло и пяти минутъ, какъ мы были окружены толстыми киргизами, почетными лицами аула, прибывшими къ намъ для привѣтствія. Входя въ кибитку, гдѣ мы сидѣли, они, по обычаю, привѣтствовали султана словомъ «алдіаръ»²⁾, и каж-

дый справлялся о его здоровьи. Не медля, явились, съ балалайкою въ рукахъ, народные пѣвцы и также спѣшили поздравить султана съ благополучнымъ пріѣздомъ и спѣли ему славо-словіе, въ которомъ восхваляли его добродѣтели, богатство и проч. Затѣмъ, явился на разостланной передъ нами скатерти большущій грязный самоваръ тульской работы, и бѣглый татаринъ, какъ знатокъ этого дѣла, принялся разливать намъ чай. Нѣсколько человѣкъ втащили въ нашу кибитку самую большую «сабу» съ кумысомъ и одинъ изъ нихъ громко произнесъ, что саба принадлежитъ такому-то. Старшій сынъ хозяина, много хлопотавшій о нашихъ удобствахъ, приказалъ своему родственнику наливать кумысъ. Въ нѣсколько минутъ, родственникъ его, обставивъ себя небольшими деревянными чашками, налилъ въ самую большую изъ нихъ кумысъ и сталъ усердно «сапырить» его, то есть, болтать большимъ разливательнымъ ковшомъ. Послѣ чая, султанъ отправилъ нѣсколько человѣкъ, подъ предводительствомъ одного муллы, въ кибитку покойнаго прочесть тамъ молитву по усопшемъ. Султанъ привезъ «аза», подарокъ, состоящій изъ одной лошади. Въ кибиткѣ покойнаго, по обыкновенію, находились и всѣ ему принадлежавшія вещи; на протянутыхъ по разнымъ направленіямъ веревкахъ висѣли разные халаты, цѣнные и нецѣнные шапки, сѣдло, нагайка, шлемъ, кольчуга, ружье, сабли, пика, нѣсколько поясовъ и другихъ предметовъ. Вдова сидѣла у своей постели, противъ двери, съ распущенными волосами, окруженная женщинами, которыя не то пѣли, не то причитали на разные лады о вдовьемъ горѣ и о добродѣтеляхъ покойника.

Въ этотъ день, султанъ нашъ отказался отъ ужина и объявилъ, что чувствуетъ себя усталымъ, что ему слѣдуетъ, поэтому, какъ онъ выразился, «тангъ-асу»³⁾. Тогда мы отправились въ другую кибитку, гдѣ, какъ намъ сообщали, происходило, среди громадной толпы зрителей, состязаніе двухъ пѣвцовъ, старав-

²⁾ Простыхъ киргизовъ этими словами не привѣтствуютъ.

³⁾ «Тангъ-асу» называется выставка, когда лошадей привязываютъ, послѣ большой ѣзды, безъ корму, на ночь, до утра.

шихся превзойти другъ друга ловкостью, умѣніемъ и краснорѣчіемъ. Когда мы вошли туда, кибитка была полна народомъ; проходу положительно не было, и даже снаружи она была со всѣхъ сторонъ окружена густою толпою киргизовъ. Верхъ кибитки былъ откинутъ, и народъ, внимательно слушая громко распѣвавшихъ пѣвцовъ, послѣ каждой спѣтой ими пѣсни, кричалъ свое одобрительное «чау-у». Мы, съ большимъ трудомъ и только благодаря усиліямъ хозяйскаго сына, пробрались внутрь кибитки и заняли мѣсто противъ самыхъ пѣвцовъ. Немедленно подали намъ въ небольшихъ деревянныхъ чашкахъ кумысъ и, вслѣдъ затѣмъ, явился впереди насъ киргизъ—распорядитель въ этой кибиткѣ—съ чашкой и разливательною ложкою въ рукахъ. Въ чашку налили кумысу изъ «сабы», объявивъ предварительно, что кумысъ этотъ изъ такого-то аула, и киргизъ принялся за свое дѣло—«сапырить» напитокъ ложкой. Сынъ султана залпомъ выпилъ первую чашку, а когда ему подали другую, то онъ передалъ ее одному изъ пѣвцовъ; тотъ съ почтеніемъ всталъ съ мѣста, сказалъ съ поклономъ «алдіаръ», опустился на одно колѣно (знакъ уваженія) и медленно, но безостановочно, опрокинулъ въ себя всю чашку, не оставивъ на днѣ ни капли; затѣмъ, пѣвецъ обратился къ киргизу—распорядителю, и когда тотъ наполнилъ его чашку снова, онъ всталъ, подошелъ къ султанскому сыну, снова сталъ предъ нимъ на одно колѣно, почтительно подалъ ему обѣими руками чашку съ кумысомъ и удалился на свое мѣсто. Та же чашка была передана и другому пѣвцу, и тотъ продолжалъ тоже, что и первый. Затѣмъ чашка съ кумысомъ осталась предъ сыномъ султана, и онъ, время отъ времени, угощалъ изъ нея того или другого изъ присутствующихъ, выражая ему тѣмъ свое вниманіе.

Два соперника-пѣвца сидѣли одинъ противъ другого; одного звали Урумбай, другого—Чуджа; оба слыли въ степи за самыхъ лучшихъ и даже знаменитыхъ пѣвцовъ и пользовались у киргизъ большою славой. Они сидѣли безъ рубашекъ и безъ шапокъ, съ «домброю» (балалайкою) въ рукахъ. Слушатели раздѣлились на двѣ партіи—

одна была на сторонѣ Урумбая, другая на сторонѣ Чуджи; сторонники обѣихъ партій держали между собою закладъ и слушали, не проронивъ изъ ихъ импровизаций ни одной ловкой, мѣткой, краснорѣчивой и кстати вставленной фразы. Пѣвцы вооружились всею силою своихъ дарованій, соперничая другъ съ другомъ въ своихъ познаніяхъ въ исторіи и міровѣдѣніи, въ народныхъ преданіяхъ и проч. Малѣйшая неудача одного давала другому средство выставить передъ публикой своего противника не свѣдущимъ, не заслуживающимъ вниманія и одобренія. Пѣвцы стали говорить о своихъ предкахъ; одинъ выставялъ яркими красками своихъ, описывая ихъ добродѣтели, другой опровергалъ его; наконецъ, не щадя взаимно самолюбія, они принялись бранить другъ друга непозволительными словами, вызывая громкій хохотъ въ публикѣ. Пѣвцы вошли въ самый, какъ говорится, азартъ, раскачиваясь на мѣстѣ съ своею думброю, въ потѣ лица, съ неистовымъ рвеніемъ отстаивая свои преимущества и стараясь не дать другъ другу времени на размышленіе. Положеніе обоихъ было трудное, ибо къ каждому слову, сказанному однимъ пѣвцомъ, противникомъ его могла быть подобрана рифма и словесное состязаніе сведено на тотъ предметъ, котораго другая сторона не знаетъ. Напротивъ того, какой-нибудь вопросъ, оставленный безъ отвѣта, или одно не кстати сказанное слово, могли уронить пѣвца въ глазахъ толпы. Но вотъ одинъ изъ пѣвцовъ начинаетъ, такъ сказать, терять равновѣсіе: на вопросъ соперника о томъ, какіе подвиги совершили его предки, только что поименованные имъ въ бойкой пѣснѣ, онъ отвѣчаетъ неудачно, между тѣмъ, какъ другой неотступно требуетъ отвѣта. Отвѣта нѣтъ—какъ нѣтъ. Общій смѣхъ публики приводитъ бѣднягу-пѣвца въ совершенное смятеніе. Не успѣлъ онъ еще кончить начатую фразу, какъ вся публика уже на ногахъ съ одобрительными восклицаніями бросается на его противника и выражаетъ ему свое одобреніе разными подарками. Побѣжденный незамѣтно скрывается въ толпѣ, среди которой слышны громкіе толки и споры о двухъ соперникахъ....

Пѣвецъ-побѣдитель, пользуясь своимъ успѣхомъ, посѣтилъ въ этотъ день много кибитокъ и вездѣ былъ принимаемъ съ восторгомъ, какъ истый герой дня. При этомъ, по большей части, онъ обращался къ какому-нибудь киргизу - богачу и воспѣвалъ сладкорѣчивыми словами его добродѣтели, умъ его сравнивалъ съ весеннимъ разливомъ рѣки, голосъ — съ рычаніемъ льва и тигра, лицо — съ солнечными лучами, рѣчь — со сладостью меда, со сливками и т. д.

Въ этихъ случаяхъ, тщеславные киргизы, желая прослыть за «мурзъ» (щедрыхъ), богато награждаютъ извѣстныхъ въ народѣ пѣвцовъ, — и потому прибыль пѣвца была на этотъ разъ довольно значительна.

На другой день, мы пошли смотрѣть борцовъ. Собравшаяся публика образовала большой кругъ; въ первомъ ряду зрители сидѣли, сложивъ подъ собою ноги калачомъ, во второмъ — сидѣли на колыняхъ, подложивъ ноги подъ себя, отчего были выше переднихъ, въ третьемъ — смотрѣвшіе сидѣли на коняхъ, а позади ихъ, на спинахъ ихъ-же лошадей, стояли еще по одному и по два человѣка. Въ кругъ входили борцы, выбранные изъ разныхъ родовъ. Засучивъ рукава у рубахъ и ослабивъ кушаки, они садились отдѣльно отъ публики; нѣкоторые выходили вовсе безъ рубахъ, но съ кушакомъ. По срединѣ круга находились и распорядители; одни изъ нихъ, съ палкою въ рукахъ, чтобы водворять въ толпѣ порядокъ, сводили двухъ борцовъ, предварительно осмотрѣвъ ихъ пояса (кушаки), и предупреждали, чтобы тѣ не брали другъ друга за ноги; другіе, съ призами въ рукахъ для побѣдителей, слѣдили за борьбой и воодушевляли борцовъ криками и одобреніями.

Говорятъ, что, въ прежнее время, борецъ, побѣдившій одного противника, долженъ былъ идти на другого, затѣмъ — на третьяго, и только тогда получалъ призъ. Но на празднествѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ, этого правила не держались, ибо подарковъ было достаточно; состояли они изъ шелковыхъ и полупшелковыхъ халатовъ, бухарскихъ матерій, шелковыхъ поясовъ, вышитыхъ шелками, бухарскихъ чамбаровъ, платковъ, ситца, бухарской бязи и

т. п. Подарки были сложены около знатнаго султана, къ которому обращались и за объясненіемъ, въ случаѣ недоразумѣній.

Сидѣвшіе около этого султана почетные киргизы опредѣляли, по достоинствамъ, призы болѣе извѣстнымъ борцамъ, побѣдившимъ нѣсколько человѣкъ сряду.

Борцы, размахивая руками, медленно сходились и вѣплялись обоими руками другъ въ друга; иные же брали своего противника только одною рукой, показывая этимъ презрѣніе, и долго таскали его по кругу, прибѣгая къ помощи другой руки только тогда, когда наступала минута окончательной побѣды. Нѣкоторые сразу сжимали противника, свободно повертывая его во всѣ стороны и поднявъ на воздухъ, сразу бросали на землю; другіе очень долго ходили въ кругу, согнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ и стараясь, но безъ успѣха, поднять съ земли своего противника; третьи, рассчитывая на свою ловкость, вступали въ борьбу съ извѣстными силачами и перекидывали своего противника черезъ себя стремительно и такъ ловко, что вызывали тѣмъ гулъ общаго одобренія. Родственники побѣдившихъ подбѣгали къ нимъ и получали за нихъ призы. По обычаю, первый выигранный призъ поступаетъ отъ побѣдившаго къ старшему въ его аулѣ, второй онъ даритъ по своему выбору и только остальные призы остаются въ его пользу.

Зрители бились объ закладъ за разныхъ борцовъ и зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ и ловкостью выбранной пары. Побѣдившій, поваливъ своего противника на землю, считалъ долгомъ, по обычаю, перешагнуть черезъ его голову въ то время, когда тотъ лежитъ; если же оба, въ одно время, падали на землю, и ни одинъ не успѣвалъ перешагнуть черезъ голову другого, то зрители требовали повторенія борьбы...

Это зрѣлище заняло собою почти весь этотъ день. На слѣдующій, назначена была скачка лошадей.

Съ ранняго утра встали тѣ, лошади которыхъ должны были скакать, а нѣкоторые хозяева вовсе не спали и всю ночь ухаживали за своими конями; весьма многіе сажали мулль,

прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ на поминки, за чтеніе молитвъ и общали имъ хорошіе подарки, если лошади ихъ возьмутъ первый призъ, а сами, сверхъ того, молились своимъ успѣшнымъ предкамъ, прося ихъ помочь въ выигрышѣ приза и общая принести въ честь ихъ въ жертву барана, бѣлаго или чернаго, со звѣздочкой на лбу, означающей счастье. Нѣкоторые, наконецъ, не отходили отъ «кумалакчи», гадателей въ кумалакъ (овечій пометъ), сотый разъ заставляя ихъ гадать о томъ, возьмутъ ли ихъ лошади призы. Что касается ухода за бѣгунами, то надобно замѣтить, что, вообще, киргизы дѣлаютъ это съ удивительною любовью и большимъ умѣньемъ; за нѣсколько дней до скачки, не поятъ ихъ водою, а даютъ молока; если мѣсто, откуда кони должны быть пущены на бѣгъ, далеко отъ аула, то ихъ отправляютъ наканунѣ скачки. Притомъ киргизы чрезвычайно боются, чтобы кто-нибудь не сглазилъ ихъ коней; поэтому, предназначенныхъ на скачку лошадей они никому не показываютъ, держатъ ихъ подъ попоной, а гривы и хвосты сплетаютъ на манеръ дѣвичьихъ косъ, прикрѣпляя въ разныхъ мѣстахъ, перья филина и пріобрѣтенные отъ муллъ талисманы отъ дурного глаза.

Рано утромъ, въ день скачки, верховой киргизъ объѣхалъ всѣ кибитки и извѣстилъ хозяевъ, приведшихъ на скачку лошадей, что пора отправлять ихъ на сборное мѣсто, куда, говорилъ онъ, — ужъ отправился, выбранный обществомъ, почетный киргизъ N, по счету и командѣ котораго всѣ лошади должны разомъ тронуться въ бѣгъ. Это мѣсто отстояло отъ аула въ 30 или даже въ 40 верстахъ. Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ лошади были отправлены на это мѣсто, толпы киргизовъ стали собираться на мѣсто вчерашней борьбы и снова образовали большой кругъ, въ ожиданіи прибытія бѣгуновъ. Тѣ, которые обладали хорошимъ зрѣніемъ, то и дѣло производили фальшивую тревогу и подымали суматоху среди остальныхъ, мирно сидѣвшихъ большою кучей; возстановлять порядокъ въ этой толпѣ стоило распорядителямъ большихъ усилій и трудовъ.

Наконецъ, дальняя, простому глазу почти незамѣтная пыль возвѣстила, что бѣгуны скачутъ. Киргизы, которыхъ лошади были отправлены на скачку, поспѣшили на встрѣчу своимъ лошадямъ на «кутерму» (поднимать, подсоблять). Въ толпѣ произошелъ большой беспорядокъ: всѣ сидѣвшіе мигомъ вскочили съ мѣстъ, засуетились, забѣгали, бросились искать своихъ лошадей, звали другъ друга; но не прошло, однако, и десяти минутъ, какъ оказалось, что и на этотъ разъ была фальшивая тревога; киргизы опять вернулись на свои мѣста и удобнѣе стали усаживаться попрежнему.

Спустя еще полчаса, прискакалъ, однако, верхомъ на взмыленномъ конѣ, киргизъ и возвѣстилъ, что бѣгуны скачутъ уже не далеко; оказалось, что пыль вдали, которая произвела передъ тѣмъ общую суматоху, была поднята его конемъ. Теперь всѣ сидѣвшіе бросились на пригнанныхъ коней и стали въ два ряда, лицомъ къ лицу и плотно прижавшись другъ къ другу, образовали, такимъ способомъ, изъ себя длинную улицу. Позади этихъ всадниковъ, толпились прочіе конники, причемъ тѣ изъ нихъ, которые желали лучше разглядѣть скачущихъ лошадей, становились на своихъ коней ногами, а нѣкоторые даже взбирались на плечи передовыхъ всадниковъ. Въ толпѣ шли, разумѣется, оживленные толки и споры и заключались заклады. Одни, всматриваясь въ даль, говорили, что первая скачетъ вороная лошадь, со звѣздочкой на лбу, принадлежащая Алтыбаю, который выманилъ ее у Джетныспая; другіе возражали, что впереди идетъ гнѣдая и что на ней сидитъ мальчикъ, въ красномъ кушакѣ⁴⁾, почему и заключали, что то — лошадь Бійсеня. Прискакавшій киргизъ прервалъ эти споры, громко возвѣстивъ, что первая скачущая лошадь, дѣйствительно, принадлежитъ Бійсеню. Спустя нѣсколько минутъ, показались и первые изъ скачущихъ; усталый скакунъ, махая хвостомъ, несъ мальчика, который что есть мочи хлесталъ

⁴⁾ На скачку киргизы обыкновенно сажаютъ для легкости мальчиковъ, и иногда очень маленькихъ. Отправляясь въ дальній путь или пускаясь на скачку, они всегда крѣпко стягиваютъ кушаки и, кромѣ того, перекидывая концы чрезъ туго стягиваютъ.

его нагайкой и бойко выкрикивалъ имя своего хозяина. Всадники, скакавшіе около этого бѣгуна, тащили его за поводъ, подбадривали гиканьемъ и также безпрестанно стегали его нагайками. Народъ неистовыми криками приветствовалъ появленіе этой толпы и не разъ посылая одобреніе то лошади, то хозяину, то скакавшему на ней мальчику. Точно такимъ же образомъ пронеслась и другая толпа со скакуномъ и его спутниками, съ крикомъ «Аблай», что означало происхожденіе хозяина лошади отъ потомковъ Аблай-Хана. Третій конь скакалъ весьма бодро, чѣмъ вызвалъ оглушительное одобреніе зрителей; онъ принадлежалъ человѣку не богатому и потому только двое сопровождающихъ всадниковъ, да сидѣвшій на немъ мальчикъ, усердно кричали имя хозяина и дружно хлестали лошадь толстыми нагайками. Четвертаго коня пришлось ждать нѣсколько минутъ, наконецъ, и онъ пронесся, сопровождаемый крикомъ своихъ спутниковъ, а за нимъ послѣдовали и остальные. Въ числѣ прибывшихъ лошадей, одна оказалась безъ сѣдока, но не смотря на то, получила назначенный призъ; сѣдокъ же мальчикъ, взятый хозяиномъ изъ того самаго аула, гдѣ праздновали поминки, во время самой скачки, спускаясь съ горки, упалъ съ лошади и, ударившись о камень, убится на мѣстѣ. Султанъ рѣшилъ, что призъ, выигранный этою лошадию, долженъ быть выданъ отцу умершаго; призъ состоялъ изъ одного верблюда, двухъ кобылъ, одного быка и 15 барановъ. Отецъ протестовалъ, однако, противъ этого рѣшенія и отказался получить по этому рѣшенію призъ, который казался ему слишкомъ малымъ вознагражденіемъ за его бѣду; вслѣдствіе того, дѣло должно было поступить на рѣшеніе уже старшаго султана. Истецъ приглашалъ изъ своего аула говоруновъ (ораторовъ), чтобы на разбирательствѣ выговорить за убитого сына какъ можно больше скота. Не знаю, чѣмъ кончилось впослѣдствіи это дѣло; но помню, что мать убитого мальчика часто бранила того султана, который разбиралъ дѣло на поминкахъ, приговаривая киргизскую пословицу: «У камня нѣтъ жилъ, у султана нѣтъ сердца».

Этою скачкою заключились празднества поминокъ; на другой день, аулъ, въ которомъ они происходили, уже совершенно опустѣлъ...

Два слова о муллахъ. Муллы, прибывшіе изъ разныхъ мѣстъ на поминки, въ эти нѣсколько дней, собрали множество скота, раздавая собравшимся изъ отдаленныхъ мѣстъ киргизамъ свои талисманы. Вообще, муллы въ киргизскихъ степяхъ имѣютъ громадное вліяніе на свою простодушную паству. Киргизы безусловно вѣруютъ во все, что говорится имъ муллами-татарами и печатается въ татарскихъ книгахъ, издаваемыхъ въ Казани; книги эти — или сонники, или сборники охранительныхъ молитвъ (заклинаній), или толкованіе корана на арабскомъ языкѣ, чуждомъ для киргизовъ; содержаніе, по большей части, не понятно имъ, и потому каждый аулъ старается запастись муллою-татариномъ, чтобы тотъ растолковывалъ киргизамъ содержаніе этихъ книгъ. При этомъ случаѣ, мулла, не жалѣя словъ и не краснѣя за свой языкъ, можетъ наговорить все, что ему хочется, и киргизъ простодушно повѣритъ всему. Въ доказательство приведу одинъ характерный случай изъ быта сибирскихъ киргизовъ.

Въ 1858 году, въ Западно-Сибирской степи умеръ одинъ довольно богатый киргизъ, котораго не могли спасти отъ смерти даже силою молитвы. Киргизы, какъ вообще всѣ магометане, хоронятъ покойниковъ въ день смерти, считая грѣхомъ откладывать погребеніе до другаго дня. Такъ какъ, по понятіямъ магометанъ, въ рай можетъ попасть лишь тотъ, кто исполнялъ каждый день пятикратное моленіе, кто держалъ «ураза» (постъ), очищалъ закетомъ свое имущество, ѣздилъ, если состояніе его позволяло, на поклоненіе въ Мекку, зналъ молитву «Иманъ»⁵⁾ и, наконецъ, творилъ хорошія дѣла, — то и по смерти того богача родственники его немедленно послѣ обмыванія принялись, по обычаю, очищать его отъ грѣховъ: подвели къ покойнику, съ правой стороны, вер-

⁵⁾ Эту молитву покойникъ долженъ прочесть въ могилѣ, по появленіи двухъ ангеловъ, которые должны явиться послѣ того, какъ хоронившіе его удалятся отъ могилы на 40 шаговъ.

блюда и чрезъ трупъ перекинули поводъ узды муллѣ, сидѣвшему по лѣвой сторонѣ трупа; затѣмъ, муллу спросили: «берешь-ли на себя грѣхи усопшаго, за неисполненіе имъ пятикратнаго моленія?» Мулла три раза отвѣтилъ: «беру» и получилъ верблюда. Тотъ же обрядъ былъ повторенъ и съ лошадью, и съ быкомъ и съ бараномъ, — по числу вышеназванныхъ грѣховъ покойнаго, и вся эта живность постепенно становилась собственностію муллы, въ возмездіе за принятіе хозяйскихъ грѣховъ. Затѣмъ, послѣдовалъ обычный намазъ, и начались похороны; какъ вдругъ мулла обратилъ вниманіе на одно важное препятствіе къ посмертному благополучію покойнаго. Оказалось, что за нимъ осталась въ долгу не выученная имъ молитва, незнаніе которой, какъ значится въ татарскихъ духовныхъ книгахъ, влечетъ въ адъ. Родственники составили совѣтъ и, зная напередъ, что мулла не согласится на ихъ предложенія, рѣшили безъ его согласія спустить его въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобъ онъ тамъ произнесъ за умершаго послѣднюю молитву. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. На нѣсколько часовъ оставивъ муллу въ могилѣ, разумѣется — не закрытой, киргизы кучками усѣлись въ 40 шагахъ отъ нея; но, не вполнѣ довѣряя муллѣ, они рѣшили оставить при могилѣ еще одного мальчика, такъ какъ только молодые безгрѣшные люди могутъ быть свидѣтелями столь важнаго дѣла. Хитрый мулла понялъ это и, сидя въ могилѣ, принялся кричать на разные голоса. Услышавъ крики, мальчикъ бросился къ сидѣвшимъ поодаль киргизамъ и сообщилъ имъ, что въ могилѣ идетъ сильная борьба. Киргизы поспѣшили-было къ могилѣ, но мулла настойчиво потребовалъ, чтобъ они удалились. Нѣсколько часовъ пробылъ онъ въ могилѣ и, когда его оттуда подняли, вѣщалъ слѣдующее: «Явились въ могилу два ангела съ накаленными, желѣзными палками, длинными, какъ баканъ⁶⁾, и спросили Бугембай-аю (имя умершаго), кто онъ — кафиръ или мусульманинъ? Бугембай-аю онѣмѣлъ отъ ужаса и показалъ на меня. Ангелы

⁶⁾ Баканъ — палка, служащая въ киргизской кибиткѣ подпорой во время непогоды.

молчаніе его приняли за незнаніе молитвы и стали его наказывать, я же сталъ защищать его, говоря, что онъ былъ человекъ очень богомольный, исполнялъ, по возможности, всѣ обряды, а за не исполненіе нѣкоторыхъ и за грѣхи уже очистилъ себя сдѣланными мнѣ пожертвованіями; но ангелы не переставали, били его палкой, требовали чтенія молитвы и, наконецъ, связавъ ему руки и ноги, потащили въ адъ. Тогда я, видя, что нѣтъ никакого спасенія, принялся читать сильныя молитвы, но въ торопяхъ, какую ни начну — одну, другую, третью, ни которая не помогаетъ. Наконецъ, вспомнилъ молитву, которая всегда выручала меня изъ бѣды, и начинаю читать ее какъ можно громче, а самъ думаю, что если и эта молитва не поможетъ, то ужъ вѣрно покойному суждено Богомъ быть въ адъ. Не проходитъ столько времени, сколько нужно хорошей хозяйкѣ, чтобъ надоить кобылу, какъ является ангелъ и спрашиваетъ меня: почему я взялся читать такую сильную молитву? Я отвѣчаю, что покойный заслуживаетъ прощенія; всегда-де онъ слушался муллѣ и щедро награждалъ ихъ во имя Божіе. «Во имя твоей славной молитвы», сказалъ мнѣ ангелъ, — «Богъ милуетъ покойника, и онъ сейчасъ къ тебѣ явится». Дѣйствительно, въ короткій срокъ, въ какой не успѣетъ простыть молоко, явился предо мною Бугембай-аю, пересказавъ всѣ ужасы ада⁷⁾ и, со слезами на глазахъ прощаясь со мною, просилъ меня именемъ Бога, чтобъ я непременно женился на его «токалѣ» (младшей женѣ) и принялъ все его достояніе. «Вамъ», прибавилъ мулла, обращаясь къ слушавшимъ его родственникамъ покойнаго, — «Бугембай-аю посылаетъ свой душевный привѣтъ; а тебя» — тутъ онъ обратился къ старшему сыну покойника, отъ произвола котораго зависѣло все наследство, — «умоляетъ поступить подъ мое покровительство; я же спасу тебя отъ гнѣва Божія, дабы и ты, подобно своему отцу, заслужилъ милость Бога и избѣгъ ада».

Загробная воля Бугембай-аю была испол-

⁷⁾ Повѣствованіе объ ужасахъ ада долго ходило по ауламъ, наводя ужасный страхъ на киргизовъ.

нена: такова наивность киргизовъ и ихъ вѣра въ слова татарскихъ муллъ!

Въ виду столь вреднаго вліянія муллъ на киргизскій народъ нельзя не пожелать, чтобы поскорѣе пришло то время, когда это вліяніе встрѣтитъ оппозицію со стороны истиннаго просвѣщенія. Около 3-хъ милліоновъ киргизовъ болѣе 150 лѣтъ находится въ русскомъ подданствѣ: пора бы, казалось, мѣстнымъ адми-

нистраторамъ подумать объ участи киргизовъ, которые въ настоящее время еще не вышли изъ патріархальнаго быта и не усвоили себѣ религіознаго мусульманскаго фанатизма; не то еще будетъ современемъ при постоянномъ вліяніи муллъ, и тогда распространеніе европейской цивилизаціи среди киргизовъ встрѣтитъ болѣе препятствій, чѣмъ въ настоящую пору.

И. Ибрагимовъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ВОПРОСОВЪ ВЪ ИСТОРИИ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

Журналъ совѣта комиссіи составленія законовъ, отъ 26 ноября 1820 года, помѣщаемый въ настоящей книжкѣ сборника «Древняя и Новая Россія», представляетъ любопытный актъ для исторіи существовавшаго у насъ крѣпостнаго права. Упомянутый журналъ касается вопроса о продажѣ крѣпостныхъ людей безъ земли. Изъ него, между прочимъ, видно, что взглядъ на этотъ вопросъ не установился окончательно. Такъ, самъ императоръ Александръ I полагалъ, что «продажа людей безъ земли рѣшительно давно уже запрещена». Между тѣмъ, комитетъ министровъ находилъ, что такая продажа «дозволена». Въ свою очередь, совѣтъ комиссіи составленія законовъ, которому поручено было представить выписки изъ законовъ, относящихся къ вопросу о продажѣ людей безъ земли, заявлялъ, что «нигдѣ не находится и никогда не существовало закона, коимъ въ отмѣну ясныхъ предписаній «Уложенія» повелѣно было производить продажу крестьянъ безъ земли, ибо, по мнѣнію совѣта—распоряженія и указы о пошлинахъ и инструкціяхъ надсмотрщикамъ, относящіеся токмо до финансовъ, кажутся, не могли—такъ сказать—мимоходомъ измѣнить коренной государственный законъ».

Такимъ образомъ, здѣсь являются три несходныя между собою мнѣнія по одному и тому

же вопросу. Такъ, по мнѣнію государя, законъ о продажѣ людей безъ земли хотя и существовалъ, но былъ рѣшительно давно отмѣненъ. По мнѣнію совѣта комиссіи, законъ этотъ собственно и не существовалъ, такъ какъ запрещеніе о продажѣ крестьянъ безъ земли основывалось на коренномъ, ничѣмъ неизмѣненномъ государственномъ законѣ, находящемся въ «Уложеніи». Наконецъ, по мнѣнію комитета министровъ, продажа людей безъ земли допускалась, въ подтвержденіе чего комитетъ ссылается на весьма недавнія для той поры узаконенія, состоявшіяся въ 1808 и въ 1814 годахъ, такъ что, по заключенію комитета, продажа крѣпостныхъ людей безъ земли, вопреки мнѣнію государя, не только не была запрещена, но, напротивъ, какъ бы была узаконена имъ же самимъ. Наконецъ, сенатъ, какъ мы увидимъ далѣе, съ своей стороны, считалъ такую продажу исполнѣнною и ссылался, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, на нѣкоторыя, дѣйствовавшія въ ту пору, узаконенія, и надобно сказать, что доводы, приводимые въ этомъ случаѣ сенатомъ, представляются основательнѣе всѣхъ прочихъ соображеній и толкованій.

Для подтвержденія своего взгляда, совѣтъ комиссіи составленія законовъ указалъ прежде всего на статьи 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10